

Они шли сквозь множество устремленных на Аманозаки взглядов, каждый из которых таил собственную тайну, и остановились перед толстой, звуконепроницаемой дубовой дверью. — Кто-о-о? — раздался хриплый голос. Бронзовая дверная ручка, украшенная рельефом, напоминающим Бабушку Тан, зевнула и раскрыла свои медные глаза. Сначала она посмотрела на Линь Чжунхэ, излучавшего мощь, и сказала: — Мастер, извольте. Дождитесь прихода всех хозяев этих ребят, которые уже заняли места, — и затем открывайте дверь. Бронзовая Ручка уже собиралась сомкнуть глаза и снова погрузиться в сон, как заметила незаметного Аманозаки рядом с ним, и тут же засуетилась. — Это, это! Дети, виноваты, что не нашли хозяина! Открывайте дверь скорее! Открывайте дверь скорее! Левая медная ручка укусила подбородок правой медной ручки. На фоне воплей правой ручки дубовая дверь открылась со скоростью света, открывая роскошный интерьер. Бархатный ковер был мягким на ощупь, а стены украшали знаменитые своей роскошью гобелены в стиле барокко. По обе стороны от двери стояли эмалированные бутылки из ксиаоциня, ростом с человека, а на стенах висели богатые картины эпохи Возрождения и других времен. Стенные светильники неспешно горели, источая аромат лампадного масла и окутывая все таинственной атмосферой тепла и уюта. — Похоже, старик принимает твою любовь, — Линь Чжунхэ прищурился и сказал в шутку. Аманозаки сказал, что боится. — Эй, волны за рекой подталкивают волны впереди, — Линь Чжунхэ и Аманозаки шли по ковру, который казался им неустойчивым. — Если ты сможешь сказать пару добрых слов за Юйшань перед своей девушкой, то я буду тебе очень благодарен! Даже мои старые кости смогут спокойно спать. — Я сегодня дважды бегал между городом Юйшань и Залом Трех Рек, устал, как собака, — Аманозаки инстинктивно почувствовал неладное и нахмурился, тихо спросив: — Ты имеешь в виду... — Эй! А ты кто такой? Думаешь, ты лучше мастера? Тебя не учили правилам? Грохот удара по двери. Половина двери, находящаяся под контролем медной ручки, с грохотом захлопнулась, ударив в лоб человека в костюме, пытавшегося зайти следом. Человек в костюме, который выглядел так, словно в него набили кирпичей, стиснул зубы, сжал кулаки, и раздался хруст. Медную ручку, которая только что выражала презрение к Аманозаки, не испугал крепкий, даже более сильный, чем ее повелитель, мужчина, и медные зубы впились в тыльную сторону его руки. Из раны брызнула кровь и упала на пол. Линь Чжунхэ не обращал на это никакого внимания, спокойно продолжая: — Внезапно появилось такое огромное магическое место. Это настоящий мастер. Ты не думаешь, что главный рулевой и все остальные рулевые просто так пропустят это? Братишка Нодзаки, ты умеешь хорошо скрываться. Серьезно, если бы не проникательность герцога Ху, наша филиал в Юйшане едва бы тебя не пропустила. Аманозаки быстро замахал руками, отрицая. Он про себя подумал, что только сегодня понял, насколько сильны его собственные способности. Но в глазах журавля из леса Аманозаки притворялся. Но это не имело значения, в любом случае, семья Линь уже опередила всех. 'У нас есть внучка, искренне к нему стремящаяся, а у вас есть?' Подумав об этом, Линь Чжунхэ тихонько схватил Аманозаки за руку. — Парень, скажи, ты видел мою внучку, когда заходил? — Ваша внучка... Линь Шую? — спросил Аманозаки. — Ага, — Линь Чжунхэ загадочно кивнул и небрежно добавил: — Маленькая Линь, услышав, что она едет к водохранилищу Санцзян, прихватила с собой купальник. Скажу тебе, такой красивый купальник! Она сейчас моется, принимает душ, может быть, и наденет его позже. Шаги Аманозаки слегка запнулись. Он невольно вспомнил соблазнительную картину, как Линь Шую в купальнике, особенно момент, когда она склонилась, коснувшись пальцами ног пола, демонстрируя всю свою грудь, бедра и тонкую талию. 'Должно быть, красиво?' Такие мысли промелькнули в голове, и он невольно впал в раздумья. Но в следующее мгновение Аманозаки зажал свой заложенный нос, из которого, казалось, вот-вот польется кровь, покачал головой и посмотрел на Линь Чжунхэ с отвращением. 'Ты достоин называться Линь Чжунхэ! Он действительно использовал такой противный тон, чтобы описать свою внучку!' Линь Чжунхэ остро почувствовал перемену в эмоциях Аманозаки, не выражая на своем лице никаких эмоций, тайком кивнул: — Он выглядит как красивый и разговорчивый молодой человек, но на самом деле очень наивен.

Свой глаз на мужчин маленькая Линь действительно унаследовала от моей сестры. Из-за отвращения к отношению Линь Чжунхэ Аманозаки холодно отвечал на его дальнейшие вопросы, но Линь Чжунхэ не обращал на это внимания. В конце концов, он был великим дядей Линь Шую, и не страшно потерять немного лица ради жизненного благополучия внучки. 'Если мы действительно сможем заполучить этого парня, то вскоре и лицом своим мы засияем.' Он был счастлив, потому что чувствовал, что опережает всех. Пройдя через постоянно открывающиеся роскошные дубовые двери и сложный коридор, Аманозаки увидел Юбабу в кабинете, заполненном панорамными окнами в пол. В этом кабинете, который можно было сравнить с европейским дворцом, посреди комнаты располагалась огромная, простая березовая доска. Немного низковатая фигура Юбабы была сгорблена в мягком кресле, тень от настольной лампы вытягивала ее силуэт. На столе были разложены драгоценности, золото, банкноты, а также золотые весы. Все было отведено под отчет этой ночью. Три зеленые головы выпрыгнули из-за спины Юбабы. Они закричали и подтолкнули два кресла вперед, с левой стороны от Юбабы. Линь Чжунхэ с доброжелательной улыбкой посмотрел на Аманозаки и очень вежливо сел на кресло, которое стояло дальше от него. Аманозаки бросил на него взгляд, подошел к столу, оперся о него руками и посмотрел на Юбабу, которая сосредоточенно вела учет: — Долго ли мы будем позволять другим делать это за нас? Атан, у тебя столько подчиненных, почему ты до сих пор все делаешь сама? Голос его звучал очень мягко, он не смущался присутствием Линь Чжунхэ. Когда Аманозаки и Юбаба были вместе, они чувствовали себя совершенно естественно, как старая супружеская пара, без нервозности и неловкости, которые обычно бывают при встрече с красивой девушкой. 'Может быть, потому, что в прошлой жизни я никогда даже не держал за руку красивую девушку, а вместо этого много раз ходил волонтером в дома престарелых? Эти старушки меня очень любили.' Так думал Аманозаки. Они стояли очень близко, и Юбаба без труда уловил эту мысль. Она опустила руку, державшую счетную книгу, отложила ручку и холодно посмотрела на Аманозаки: — Что ты понимаешь? Эти работники — перерожденные ленивые люди. Я на пару дней уеду, и они уже хотят себе длинных каникул. Что уж говорить о том, чтобы дать им счетные книги, они всю ночь торгуют! Аманозаки кивнул, не веря ей ни единому слову. Какой бы большой ни был бизнес, разве он может быть больше, чем, скажем, спа-процедуры для богов? В фильме достаточно было просто помыть речного бога, и он давал кучу золотых бобов! Увидев это, Бабушка Ю ничего не сказала. Она просто вздохнула и произнесла: — Не стой так небрежно. Подойди ко мне и не произноси ни слова, что бы ни случилось позже. — Тогда я не смогу сказать тебе, что ты меня продала? Глядя на красивое лицо Аманозаки, наполовину скрытое в полумраке, суровое лицо Юбабы смягчилось. Она бессильно ущипнула Аманозаки за мочку уха, ласково сжав его: — Да как же я могу бросить... Иди скорее, все уже пришли. Шаги за дверью поглощались бархатными подушками, делая их еле слышными. Если бы не пришло так много народу, то даже обостренные чувства Аманозаки, который принял лекарственную ванну, не смогли бы их уловить. Линь Чжунхэ смотрел на милую сцену старой жены и молодого мужа, с отвращением, с примесью зависти. Отвращение вызывало слишком большая разница в возрасте, а зависть — искренняя зависть к госпоже Тан, которая даже в старости могла кушать молодую травку. Как говорится, мужчины — гуляки, но Линь Чжунхэ признавал, что всегда был верным себе. С детства и до старости он любил красивых женщин: юных, зрелых и старых. Жаль, что я уже слишком стар, и больше нет молодых красавиц, которые бы действительно меня любили! Всем нужны только деньги и власть. Подумав об этом, он невольно вздохнул. Как только Аманозаки уселся, в кабинет один за другим начали заходить люди. Они были одеты в самых разных стилях, среди них было много модных и ретро вещей. Единственное, что их объединяло, — это то, что они были очень сильными. Сильнее тех, кто ждал у дверей лифта, похожими на Линь Чжунхэ, который сидел слева от Аманозаки. Способность различать общую силу и слабость — это новый навык, который Аманозаки получил после лекарственной ванны. Похоже, что его чувство опасности обострилось. Когда он сталкивался с сильным человеком, у него возникало ощущение луча

света за спиной. По крайней мере, в прошлом он не мог определить уровень силы рыцарей без использования своих способностей. После того, как все эти люди вошли в комнату, три зеленые головы по очереди выдвинули стулья. Первыми вошедшие поклонились Бабушке Тан и Линь Чжунхэ. Многие смотрели на Линь Чжунхэ с пронизательным и вопрошающим взглядом, очевидно, они были знакомы. Журавль из леса щурился, словно игнорируя его. Людям не были назначены места, они спокойно рассаживались, соблюдая определенный порядок. — Жадность, гнев и невежество, — немного подождя и увидев, что никто не поднимается наверх на лифте, Бабушка Тан назвала имена трех зеленых голов: — Передайте всем список. Она слегка взмахнула рукой, и звук закрывающихся дверей донесся издалека, как прилив, вся верхняя часть крыши супницы была запечатана. Последний звук закрывающейся двери раздался в кабинете. Когда дверь захлопнулась, и раздался звук сдвигающихся металлических замков, хрустальная люстра в комнате зажглась, а шторы сами собой закрылись. Все взгляды обратились к центру кабинета — к Юбабе. Она сложила руки и положила их перед своим крючковатым носом, уставилась на стол своими огромными глазами, не глядя ни на кого, но у всех присутствующих возникло ощущение, что за ними наблюдают. Аманозаки слегка сдвинулся и сжался на стуле. Он только что выпил несколько бутылок sake вниз и чувствовал себя немного сухим. — Кря! — Зеленый человек подпрыгнул на ноги, удерживая на голове поднос с чаем, и посмотрел на Аманозаки с привычно сосредоточенным выражением лица. После этого взгляда странное чувство Аманозаки, что он слаб и недостоин сидеть среди всех этих сильных людей, мгновенно исчезло. Он улыбнулся и поднял чашку, чтобы радостно попить чай, бормоча себе под нос: 'В древности императоры тоже за шторами занимались государственными делами. Что плохого в том, что моя жена ведет бизнес, а я — ее аудитор мужа?' Глава 64: Соглашение

Руины у места впадения трех рек. Звук винтов вертолетов разносился по долине, едва уловимо заглушая шум дождя. Десять вертолетов висели низко над долиной, патрулируя в плохую погоду. Летняя погода в провинции Юйшань всегда была странной: днем светило яркое солнце, ночью шел мелкий дождь, а по ночам — ливень. Интересно то, что, какой бы сильной ни была буря, как бы сильно ни гремел гром накануне, когда на следующее утро вставало солнце, людей в домах всегда будил ослепительный свет и душная жара. Сейчас ночь, и, разумеется, на территории впадения трех рек идет сильный дождь. Днем монахи из Ехо отпаривали призрачный пар, окутывающий грунтовые воды, поэтому дождь сегодня особенно сильный. Практически заставляет задуматься, не страдает ли Драконий Принц Сышуй диабетом. Рыцарь, стоявший на вахте в вертолете, прикоснулся к лицу и послал проклятие старому Драконьему Королю. Различные военные машины и подразделения, окружившие территорию, говорили о том, что не только Цюньсяшань, но и войска правительства провинции Юйшань были переброшены сюда. Парамилитарная церковь была разрушена, сотни человек погибли на месте, даже плотина Санцзян оказалась под угрозой. Безопасность десятков миллионов человек по течению реки была под угрозой. Даже если внимательно подумать, понятно, что самое худшее невозможно, но правительство, которое что-то делало, не оставит это без внимания. Что касается перекладывания проблемы на Цюньсяшань и нежелания официальных властей вмешиваться в подобное дело, то этого не произойдет перед лицом такого серьезного события, которое затронет десятки миллионов человек. Тысячи людей стояли на стороже в дождь, и появившаяся из ниоткуда баня тоже была включена в зону оповещения. Завтра у многих будет простуда и лихорадка, но внутри бани все еще кипела жизнь. Рыцари пили вино, не могли не пить, а порой даже дрались. По сравнению с этими пьяными парнями, шишки, сидевшие в кабинете Юбабы, казались намного спокойнее. Юбаба играла с кольцом на столе. Она решила, что все уже вдоволь насмотрелись, и легко кашлянула. Голос ее был немного пронзительным от возраста, но казался неровным и изящным, когда она намеренно замедлила его скорость: — Все знают проекты, которые я могу предложить здесь, поэтому я расскажу о своих условиях. Все опустили список в своих руках, и Аманозаки беспокойно потер ладони. Он был вне «всех». — Он не человек, по крайней мере, не в этой комнате, пока что, — прозвучало в воздухе, придавая словам особый, таинственный

оттенок. Юбаба подняла три пальца, словно отсчитывая секунды. — Я открыла баню ради трех вещей, — она проговорила это медленно, растягивая слова, будто каждый syllable таил в себе тайну. — Ради моего мужчины, моего мужчины, и еще раз, ради моего мужчины. Все взгляды разом обратились к Аманозаки. В тишине звучала только эта фраза, словно зашифрованное послание, и ее значение было понятно всем. Аманозаки застыл под тяжестью этих взглядов. У него за спиной словно вырос невидимый щит, который защищал его от волны эмоций. Сделав глубокий вдох, он бросил вызов, взглянув на всех с затаенной злостью. — Чего пялитесь? Неужели никогда раньше не видели красивого парня? В мире миллионы таких, как я, и все они — интернет-читатели, — пронеслось в его голове, но он не произнес это вслух.

<http://tl.rulate.ru/book/113100/4278309>